

Е.В. Парахневич,
кандидат филологических наук
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград, Россия
© Е.В. Парахневич

ЖУРНАЛ «ПУТЬ» КАК МЕДИЙНЫЙ РЕПРЕЗЕНТАНТ ДУХОВНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Аннотация. В статье исследуются программные позиции эмигрантского журнала «Путь», который объявил себя медиатором между культурой Востока и Запада и предлагал свои пути преодоления идеологических разногласий.

Ключевые слова: эмигрантский журнал, медиатор, программа, медийный репрезентант.

Abstract. The article is concerned with subject matters of emigrant magazine «Put`», that was announced as a mediator between the cultures of East and West and proposed a solution of ideological differences.

Keywords: emigrant magazine, mediator, subject matters, mediarepresentative.

Анализ дискурсивных практик эмигрантского журнала «Путь» (1925–1940 гг.), выпускаемого группой философов под редакцией Н. Берняева, позволяет отчетливо обозначить социогуманитарные и духовно-религиозные векторы культуры русского зарубежья, формы его вовлечения в общественные процессы, происходившие в России в этот необычайно наполненный историческими событиями период.

Программа эмигрантского журнала «Путь» была заявлена в редакторской статье «Духовные задачи русской эмиграции» (написанной Н. Бердяевым еще в марте 1925 года и впоследствии отредактированной всеми членами редакции) и несколько раз уточнялась в процессе выпуска издания.

Миссия эмиграции, согласно позиции журнала, лежит в области духовной культуры и религиозной жизни, что в первую очередь связано с тем, что религиозная, философская и научная мысль в России не могла свободно себя выразить, поэтому за границей стали накапливаться «творческие религиозные силы грядущего национально-

культурного возрождения» [5, с. 5]. Немало этому способствовало и то, что в эмиграции оказался «высший культурный слой, цвет русской культуры, русские писатели, ученые, художники, артисты» [5, с. 3] – то есть главные силы интеллигенции, оторванные от привычной обстановки и рассеянные по всей Европе.

Поэтому главная цель «Пути» заключалась «в собирании и выковывании духовной силы, в духовном преодолении злобно-мстительного отношения к испосланным Богом испытаниям» [5, с. 3] – иными словами, в консолидации расколотов эмиграции. При этом сотрудники издания полагали, что русский народ, преодолев революцию изнутри, должен решить свою участь сам, без навязывания извне. Главная проблема русской эмиграции, согласно концепции издания, заключалась в следующем: «при длительном пребывании вне родины грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, с русской землей и русским народом. Каждый может превратиться в оторванный атом, занятый исключительно сохранением своей жизни» [5, с. 4], поэтому Н. Бердяев полагал, что преодолеть раскол между основными эмигрантскими идейно-политическими течениями, а также между ними и большевистской Россией возможно лишь «напряженной духовной жизнью, лишь верностью идее России» [5, с. 4], «только через Православную Церковь эмиграция может ощутить себя единым русским народом» [5, с. 5].

Здесь же впервые высказывается одна из основополагающих идей издания: государственный переворот и насильственная высылка из родного государства – это путь к искуплению, своеобразный «крестный ход», «Голгофа» русского народа, «божественное испытание» за «грехи», которые заключаются в том, что «русское культурное общество, ныне в ужасе отшатнувшееся от антихристианского образа русской революции, тысячу раз изменяло христианским заветам и мало думало об осуществлении христианской правды» [5, с. 3], и поскольку большевизм представляет движение, противоположное христианским заветам, его преодоление возможно лишь посредством «величайшей духовной активности, которая приведет и к активности общественной и исторической» [5, с. 4].

Итак, первая задача журнала определяется как преодоление идеологического разрыва между основными эмигрантскими движениями и поддержание связи с «Русской землей».

Важная особенность «первой волны» эмиграции заключалась в том, что большая часть эмигрантов так и не интегрировалась общест-

во стран проживания, поскольку, будучи уверенной в скором возвращении на родину, стремилась сохранить традиции, язык и бытовой уклад, изолируясь при этом от чуждого окружения. Поэтому, несмотря на общественные, экономические или политические и различия прежней жизни и благодаря осознанию принадлежности к одному народу и одной культуре они сформировали уникальное «государство в государствах», не имеющее юридических или географических границ, известное как Русское Зарубежье.

Н. Бердяев считал подобное ограниченное (со)существование пережитком старой идеологии: «Русские православные люди могут оставаться в состоянии замкнутости и изоляции, могут утверждать свое православие пугливо и подозрительно, повсюду видя опасности и соблазны, отказываясь от всякого духовного общения и сотрудничества с западным духовным миром, с людьми других христианских вероисповеданий» [5, с. 6], что является следствием «психологии слабости и дурной замкнутости в себе и своем, психологии, рассчитывающей на внешнюю помощь государственной власти. На почве этой психологии рождается мнительность и подозрительность, разрушительная для духовного здоровья, для творческой духовной жизни» [5, с. 6]. Поэтому второй, но не менее актуальной задачей своего журнала он считал необходимость налаживать диалог с западным миром – прежде всего духовным, культурным и религиозным, – однако, не отрываясь от своих национально-религиозных корней и не интегрируясь окончательно в западную культуру. «Восток и Запад не могут оставаться замкнутыми и изолированными, – писал он. – И это нужно понимать не в смысле отвлеченного интерконфессионализма, творчески бесплодного, а в смысле установления большего духовного единения из глубины каждого вероисповедания, через движение в глубь, по вертикали, а не по горизонтали, не по внешней пространственной вселенскости. Западная Европа перестает быть монополистом культуры, в ней чувствуется истощение. И Восток, прежде всего русский Восток, приобретет большее мировое значение, чем имел раньше» [5, с. 7].

В издании пропагандировалась идея спасительной для Запада всемирной роли русской эмиграции и абсолютной исключительности «русского пути». Согласно концепции издания, «цивилизация Запада, слишком актуализировавшая потенции жизни и во всем давшая преобладание формальному началу, привела к замыканию и затвердению сознания, установила повсюду разделение, границы и пределы»

[1, с.100], и только в России сохранилась «дионисическая» стихия жизни. Эта идея на протяжении пятнадцати лет истории журнала проходит несколько стадий развития. Соприкоснувшись с мыслью о духовном кризисе или так называемом «конце Ренессанса», она вполне закономерно модифицировалась в мессианскую концепцию русского православия: речь велась уже о мировом значении русской духовной культуры и ее предначертанной роли как спасительницы всего остального мира. Соответственно, мысль о необходимости равняться на древние образцы, идеалы религиозно-дидактического искусства оказались закономерным следствием задач поставленных редакцией в начале издания.

Журнал предлагает свою трактовку «русской идеи», в данном случае заключающейся в том, что Россия должна выполнить определенную интеграционную или так называемую «православную» миссию объединения Востока и Запада, предначертанную ей свыше: «Россия, постепенно сконцентрировавшая огромные, почти необъятые пространства, вовсе не покоряла их, а просто присоединяла к своей державе за отсутствием там всякой государственной власти. Вместе с этим на нее падала слишком ответственная миссия приобщить эти дикие места и варварские народы к христианской цивилизации» [4, с. 142].

Явным элементом идеологической системы «путейцев» стал пророческий акцент на духовном коллапсе, «закате» европейских стран, когда, начиная с 30-х годов, критикуются основные постулаты фашизма, который настойчиво сравнивается с коммунизмом: «Разрозненному православию, особенно в наше «коммунистическое» и «фашистское» время, не церемонящееся ни с какой, а в частности и с религиозной свободой, надо спешно приобретать некоторую экстерриториальную опору в своих, указанных канонами, больших церковных «монархиях» и вселенских соборах» [6, с. 13]. Истоки духовного кризиса на Западе авторы журнала видят в торжестве материального мира: «Христианское сознание не знает, как отнестись к огромному мировому событию, связанному с введением в человеческую жизнь машины и техники» [3, с. 58], не раз высказывается идея, что Европа и сама вступила в полосу опаснейших кризисных испытаний, подобных российским, что выражается в культурном скепсисе или нивелировании духовных ценностей.

Стоит отметить, что с первого же номера выделены разделы (впрочем, непостоянные) «Из русской духовной мысли» и «Из запад-

ной духовной мысли», что свидетельствует о том, что редакция журнала осознанно подчеркивала эту дифференциацию европейской и российской философии и религии, журнал пропагандировал идею объединения, но не слияния двух культур под знаком Православия, которое позиционируется как религия, имеющая вселенское значение.

И, наконец, третья задача заключалась в том, что журнал «Путь» стремится быть выразителем религиозных и духовных задач русской эмиграции. Н. Бердяев определял свое издание как «орган православный и вместе с тем связанный с традициями русской творческой религиозной мысли. Имена Хомякова, Достоевского, Вл. Соловьева, Бухарева, В. Несмелова, Н. Федорова близки и дороги руководителям этого журнала» [3, с. 57]. По его мнению, духовная миссия эмиграции заключалась в том, чтобы осмыслить неотвратимые последствия революции, что возможно лишь в условиях свободы мысли и совести. В этом «Путь» противостоял крайним течениям, которые, по мнению Н. Бердяева, видели «задачу эмиграции в превращении ее в военный контрреволюционный лагерь... и низвержении революции путем насильственной контрреволюции» [2, с. 93].

Настойчиво отвергая мысль о возможности свержения большевизма военными силами извне, Н. Бердяев писал: «Если эмиграция есть военный контрреволюционный лагерь, перманентная гражданская война, то свобода мысли и культурного творчества в ней невозможны. Военный лагерь живет военными законами, в нем ни о чем не спорят, в нем издаются распоряжения и инакомыслящие осуждаются по законам военного времени. Многие в эмиграции и усвоили себе такого рода приемы, уместные лишь в военном лагере во время войны. Когда такого рода приемы практикуются десять лет, то происходит отупение, одичание и угашение мысли. Да и нет ничего более смешного, чем когда люди глубоко и безнадежно штатские бряцают оружием. Активизм этого рода направления чисто ведь риторический и словесный» [2, с. 93], – и называл подобные идеи маниакальными, одержимостью, фикциями и иллюзиями, поскольку, по его мнению, подобную политическую задачу можно разрешить лишь изнутри, теми же действенными силами, которые ее вызвали.

Задача эмиграции в данном случае заключается лишь в том, чтобы «не мешать выгодными для коммунистической власти призраками военной контрреволюции, реставрации, заговоров, вождей и пр.» [2, с. 94], поскольку этим эмигранты «лишь укрепляют и поддерживают большевиков, создавая необходимого им контрреволюци-

онного буржуазного врага, которым они пугают массы и привязывают к себе» [2, с. 95]. В этом контексте идеологически маркированно воспринимаются слова Н. Бердяева о необходимости непримиримой духовной борьбы с коммунистической идеологией «с безбожием и бесчеловечием коммунистической диктатуры, с ложью и обманом, с деморализацией и обездушиванием, но не с новой, пореволюционной рабоче-крестьянской Россией, которую свергнуть нельзя и можно лишь просветлять и облагораживать. Для того чтобы в эмиграции возможно было духовно-культурное творчество, возможна была свободная и правдивая мысль, чтобы сознание не было подавлено условной ложью, риторикой, фикциями, чтобы дана была возможность ставить проблемы по существу и продолжать подлинно великие традиции русской мысли, нужно перестать понимать эмиграцию как контрреволюционный лагерь, нужно признать, что революция поставила творческие проблемы» [2, с. 94].

Обращение именно к духовной и религиозной составляющей и игнорирование политических событий как таковых было не случайно: в этом заключалась форма протеста против наступления материальной эры, стремление доказать превосходство внутренней жизни над внешней и желание освободить духовную культуру. В целом религиозно-философский дискурс журнала «Путь» был направлен на конструирование в сознании читателя-акцептора уверенности в спасительной роли эмиграции, а доминантой издания стало положение о вселенском, универсальном значении Православия, которые должно стать духовной силой, активно действующей во всем мире. Положение, в котором оказалась эмиграция, ее духовная и идейная изоляция, вынудили журнал «Путь» к некоей идеологической толерантности, к стремлению объединить эмигрантские силы на основе религиозной культуры.

Литература:

1. Бердяев, Н. Восток и Запад // Путь. – № 23, август 1930. – С. 97–109.
2. Бердяев, Н. Дневник Философа (О средствах и целях, о политике и морали, о политике христианской и политике гуманистической, о двух понимании задач эмиграции) // Путь. – № 16, май 1929. – С. 82–93.
3. Бердяев, Н. Духовное состояние современного мира // Путь. – № 35, сентябрь 1932. – С. 56–69.

4. Глубоковский Н., проф. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. – № 4, июнь-июль 1926. – С. 139–144.

5. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – № 1, сентябрь 1925. – С. 3–8.

6. Карташёв, А. Церковь и национальность // Путь. – № 44, июль-сентябрь 1934. – С. 3–14.

УДК: 316.77: 007: 070. 446: 796

К.М. Пирогова,

*кандидат филологических наук, доцент
Запорожского национального университета
г. Запорожье, Украина
© К. Пирогова*

СИМВОЛИЗАЦИЯ СПОРТИВНЫХ МАСС-МЕДИА И СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются спортивные масс-медиа касательно их символизации. Внимание акцентируется на теоретических исследованиях о символе, природе и значениях. Выделяются разновидности символов, анализируются их значения, смыслы и визуальные представления. Делаются выводы, что с помощью символов спортивные события передаются целостной композицией.

Ключевые слова: спорт, символ, масс-медиа, смысл, знак, аудитория, феномен.

Abstract. The article analyzes the sports media about their symbolization. Attention focuses on theoretical studies about the symbols, nature and meanings. There are diversity of symbols, analyzes their meanings, senses and visual representations. It is concluded that with the help of symbols, sporting events transmitted as a holistic composition.

Keywords: sport, symbol, mass-media, sense, sign, audience, phenomenon.

Символика спортивных масс-медиа является приоритетной основой для качественного и продуктивного восприятия информации. Она способна облегчить понимание и одновременно заинтересовать аудиторию в отборе необходимого раздела, вида спорта или события.